

Игорь Померанцев

Бес в ребро

Карта мира

Юрию Андруховичу

Мне было по душе,
что она утратила невинность во Львове,
и не потому, что я был причастен к этому,
а потому что Львов всегда кичился своим клерикализмом.

Стамбул навсегда остался для меня городом,
где наша любовь пролила свои первые слезы.
Потому я люблю возвращаться в Стамбул.

Я встретил ее в пражском аэропорту
и тотчас сказал ей:
– Пока мы здесь, умоляю – ни одного слова о Франце.
Она смирилась с приговором,
но до чего же она была в Праге несчастна.

Начало

Про себя он называл ее «Великий Шелковый Путь»,
но признаться в этом боялся. Однажды все же сказал.
Она спросила, почему. Вначале он мямлил,
но после приободрился и даже разгорячился:
– Понимаете, это чувственный образ...
Он предполагает путешествие в пространстве и во времени,

причем бесконечно долгое путешествие,
сулящее открытия и приключения.
Пролегает он по пересеченной местности,
от которой невозможно оторвать глаз даже ночью.
Еще этот образ ассоциируется с арабскими скакунами,
персиками,
вином, охотничьими собаками и леопардами.
Шелковая нить отражает свет, а на ощупь
выдерживает сравнение с самыми нежными сновидениями...
Они помолчали. Он несмело спросил:
– Теперь вы понимаете, почему я называю вас
«Великий Шелковый Путь»?
Она не ответила. В уголке ее глаза он заметил слезу.
– Да, – сказал он, – охотничьими собаками, леопардами
и горным хрусталем.

* * *

Она сказала:
– Я всего лишь серая мышь. Как ты можешь меня любить?
Он подумал, подумал, подумал,
вспомнил детские страхи,
которые он так и не смог одолеть,
вспомнил этих самых рукокрылых,
их бурную ночную жизнь,
напряженные мышцы в ушах,
их сложные эхолокационные сигналы
в диапазоне до 120 кГц
и, главное, передачу смертельных патогенных вирусов,
но сказал:
– Я люблю тебя, Серая Летучая Мышка.

* * *

Когда они были в постели,
ее тело шептало:
– Я не люблю тебя, слышишь, не люблю.

«Хорошо, что я старый и глухой, – думал он, –
и ничего не слышу».

* * *

Левый сосок, пахнувший сиренью,
только угадывался. Кругом были люди,
и убедиться в справедливости предположения
было... ну никак. Но ему хватило и предположения.
Такие перекрестки – запаха, цвета, звука –
любил Арсений Тарковский
(«Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствие звука и цвета...»)

Или:

«Арбузный гоголевский запах –
Ее декабрьская душа».

Это о зиме).

А до него Иван Бунин

(«В саду костер, и крепко тянет душистым дымом
вишневых сучьев»).

Да, лучше думать о литературе.

Он так и делал, но все равно возвращался
к навязчивому образу
снова и снова.

И снова.

* * *

Все, что мы делаем вместе,
разговариваем беспроволочно
или рот в рот,
прикасаемся, углубляемся,
скользим по складочкам,
пересекаем курватуры
под острым или тупым углом,
называется «тавтология».

Помнишь, что такое тавтология?
Необоснованное повторение,
не оправданное
ни логически, ни эмоционально,
лишенное цели и смысла.
Одним словом – любовь.

Прага

